

Кто убил поэта Дмитрия Кедрина?

Всех дат не упомянешь. Откуда я узнал, что Кедрину исполнилось бы 90? Клуб писателей (ЦДЛ) объявил вечер его памяти. Листаю Календарь знаменательных дат ИТАР-ТАСС. Нету поэта Кедрина... Зато эксцентричные итар-тассовцы рекомендуют отметить (всенародно?) 185 лет со дня рождения - кого бы вы думали? - Жоржа Дантеса. Так сказать, почтить память. Того самого хлыща с пустым сердцем, у кого «в руке не дрогнул пистолет», потому что «не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал!» В эпиграфе к этим, уже хрестоматийным стихам автор стилизованно просил государя наказать убийцу, «чтоб казнь его в позднейшие века твоей правый суд потомству возвестила, чтоб видели злодеи в ней пример». Но Дантес благополучно дожил до глубокой старости...

В первую половину февраля вслед за убийцей великого поэта календарь рекомендует нам 65-летие Игоря Шаферана. А Кедрин? Что ж Кедрин... Текстов на популярные мелодии не сочинял, премиями не отмечен... А что его творчество - живая страница русской поэзии XX века, что его любят читатели (в каждой новой генерации постоянный и прочный круг) до этого мало кому есть дело.

Кто убил Пушкина - известно. Поэт Кедрин тоже был убит. Имя убийцы (или убийц) неизвестно. Никто до сих пор не осужден, никто не признался. Хотя вроде бы за давностью лет... Известие, что если убьешь знаменитость, имеешь шанс попасть в календарь к знаменитостям, еще не получило широкого распространения. А то, глядишь бы, какой-нибудь честолюбец и раскололся! Бывают ведь честолюбивые злодеи.

История эта очень темная. Как тоталитарная ночь.

Дмитрий Борисович Кедрин (22.1./4.2./1907, Богодуховский рудник, ныне Донецк, - 18.9.1945, пос. Тарасовка, под Москвой) детство и юность провел на Украине. Это видно сразу, если прочитаешь: «Солнце! Что на свете слаже после зябкого денка?.. Паутинок легких пряжа обвилась вокруг сучка». И я жил там же и тоже вместо «слаже» говорил «слахе». Только в войну, в силу беженских обстоятельств оказавшись в Зауралье, в Кургане, я узнал, что в русском языке никакого «слаже» нетути, что это слово из суржика - той смеси украинского с русским, на которой балакают и в Киеве, и в Харькове, и в Одессе... Даже теперь, получив независимость... Бранить за это Кедрин не стоит.

А родители Кедрина были русские, к тому же дворяне, из хорошего рода (с отдаленным греческим корнем). Дворянство после революции требовалось навсегда забыть во избежание тяжелых жизненных осложнений. Жили в городке Балта, затем в Екатеринославе, который в 1926 году стал называться Днепропетровск. Худой и малорослый Дмитрий был из породы очкариков, то есть крайне близорук. После второго курса в техникуме путей сообщения окончательно прояснил для себя, что его призвание - поэзия. Поступил в редакцию губернской молодежной газеты, стал печататься. Любил Некрасова, Блока. Еще - Ходасевича, Гумилева, Багрицкого. Наверное, Нарбута. Наверное, пролетарских стихотворцев 20-х годов. Своего земляка Михаила Голодного. И, наверно, всех поэтов, кто писал исторические баллады, начиная с Рыльева.

Еще мелькали то здесь, то там правоверные коммунисты. Те, кто делил людей на классы и классовую

борьбу считал двигателем социального прогресса. История как бы вопреки реальности обязана была в близкой перспективе завершиться внеклассовым раем. А пока решающим для человека было его социальное происхождение. Участь «бывших» была незавидна. Настрадавшемуся от капитала пролетариату отводилась величественная мессианская роль. Каждый ленинец (большевик, комсомолец, пионер) должен был принимать участие в разоблачении внутренних классовых врагов. Иначе говоря, сочувствовать и помогать чекистам.

Какой бы параноической и смешной галиматьей ни представлялась нам эта смесь сегодня, реализовать себя на культурном поприще вне ее было чудовищно трудно, если не невозможно.

В 1929 году Кедрину исполнилось 22 года. Машина большого террора уже была запущена, но не на полную катушку. Однако чекисты на Украине превосходили своих коллег по усердию (очевидно, имели более широкие полномочия). Кедрин настойчиво вербовали в осведомители. Он сопротивлялся. Вербовщики отомстили ему за отказ: Дмитрий получил два года «за недонесение контрреволю-

ционного факта». Отсидел полтора. С Украины решил бежать. Так в эти годы поступали многие: популярный способ уйти от преследований. Было известно, что все ОГПУ перегружены и лишь в особых случаях преследуют своих жертв, сменивших место жительства. Кедрин манила Москва, где для него, русского поэта, открывались совсем другие возможности.

1931 год. Не слишком гостеприимная столица. Жилья нет. Кедрин с женой Людмилой поселяются в ближнем Подмосковье: поселок справа от платформы Тарасовская Ярославской железной дороги. Сперва Кедрин работает литсотрудником в многотиражке Мытищинского вагонного завода. Потом переходит литконсультантом в издательство «Молодая гвардия». Внештатно редактирует в Гослитиздате. Занимается самообразованием. Увлеченно читает книги по русской истории. Учится говорить об одном ее периоде, имея в виду другой: опасная стезя. Но иначе вообще ничего нельзя сказать. Пишет политические стихи «паровозы», такие же, как у других поэтов. Много переводит. Горький знакомится с его «Куклой» (1932), где прославляются Дзержинский, Ленин и сам Горький как трагические борцы за новый быт, никак не приживающийся в столичных коммунальках: «Тут дерутся мужчины, тут женщины тряпки воруют, сквернословят, судачат, юродствуют, плачут и пьют» И растят тех, чья любовь «ходкий товар». По просьбе Горького, у него на квартире, поэт Лу-

говской читает «Куклу» вслух. Горький, которого растрогать очень легко, плачет. Однако Кедрин продолжает испытывать трудности с публикацией стихов. Рукопись его первой книги «Свидетели» долго валяется в Гослитиздате и выходит только в 1940 году: брошюра - 72 страницы, хотя поэтом уже написаны сотни страниц поэм, баллад, былей, сказок, стихотворная драма «Рембрандт».

Война. Хворый Кедрин уходит добровольцем: служит в газете воздушного соединения «Сокол родины» Северо-западного фронта. Около года. Жить ему осталось недолго. Он словно чувствует близость конца. В 1944-м, в 37 лет, пишет:

Вот и вечер жизни.

Поздний вечер.

Холодно и нет огня в доме.

Лампа догорела.

Больше нечем

Разогнать сгустившуюся тьму.

Дух Рассвета!

Глянь в мое оконце!

Ангел Ночи! Пощади меня:

Я хочу еще раз

видеть солнце,

Солнце первой половины Дня!

Кедрин дружит с большим поэтом и очень хорошим человеком - балкарцем Кайсыном Кулиевым, но в московской писательской среде и организации чувствует себя чужаком - невостребованным, ненужным. По свидетельству дочери (только что выпустила очерк об отце «Жить вопреки всему», тираж 1000 экз., автор статьи еще не видел книгу), умолчать в анкете о своем преступлении и наказании Кедрин не решился. Жил в постоянном страхе перед новым арестом; впрочем, так можно сказать едва ли не о каждом его современнике. Снова подвергался вербовке в осведомители.

Однажды поэта задержали на Ярославском вокзале. Задержание объяснили тем, что будто бы ловят японского шпиона. «Разве я похож?» - поинтересовался Кедрин. В отделении милиции тщательно проверили и вернули документы. Еще происшествие, тоже на вокзале. Какое-то дожде молотцы безошибочно выбрали из толпы Кедрина и пытались столкнуть его под поезд: вступились за очкарика сердобольные женщины.

И вот роковой сентябрь 45-го. Кедрин возвращается из Москвы в свой пригород. Трагедия происходит в поезде. Его избивают, убивают, а тело сбрасывают под откос.

Из морга присылают то, что нашли при убийстве: деньги, документы. Почему-то ничего не пропало. Уголовное дело не возбуждается.

Тело в закрытом гробу привозят домой. Присутствующие «братья-писатели» убеждают безумевшую от горя вдову не открывать гроб, чтобы сохранить покойника в памяти живым. Людмила соглашается. Это исходный пункт возникших затем предположений, слухов и легенд о том, что Кедрин не убили. Кто-то рассказывает, что видел его в Казахстане, в лагере. Что в 1948-м он умер от истощения. Кто-то, напротив, сообщает, что знает имена исполнителей убийства. И исчезает бесследно...

Поэта похоронили на Введенском (Немецком) кладбище. Под дубом вековым, охраняемым государством. Поставили памятник из дорогого лабрадора. Все честь честью.

Первое посмертное издание, очень скромное, увидело свет через два года, в 1947 году.

Кто же убил Кедрина? Неведомые уголовники или известное своими преступлениями против родной культуры ГБ?

Покойная Людмила была уверена: ГБ. Если это так, его убили за стихи.

Лишь в некоторой части своего наследия Кедрин выступает как советский поэт. Многие писано им без оглядки... Вот, скажем, невинное, но глубоко-крамольное для советской поэзии 40-х годов признание в любви к родине:

Такой ты мне

привиделась когда-то:

Молочный снег, яичная заря.

Косые ребра

будки полосатой,

Чиновничья припрыжка

снегиря.

Я помню чай

в кустодиевском блюдце,

И санный путь,

чуть вьюга улеглась.

И капли слез,

которые не льются

Из светло-серых

с поволокой глаз...

Что ж! Прав и я:

Бродяга - дым становий,

А полководец -

жертвенную кровь

Любил в тебе...

Но множество любовью

великую любовь!

Как вы думаете: доковыляют ли когда-нибудь эти строки до хрестоматии? До той самой, где: «Люблю отчизну я, но странною любовью...»

(Жаль, что Ивану Бунину в эмиграции попало на глаза не «кустодиевское блюдце», а стихотворение Кедрина «Подмосковная осень», где есть строчка: «Несет в ягдташе золотую лису»; Бунин прокомментировал: «это так же правдоподобно, как если бы он нес в кармане собаку»).

Уж не знаю, тянули ли на срок эти стихи о родине (вспоминаю в связи с этим судьбу другого поэта - Сергея Маркова). Куда опасней была поэма «Конь» (1940) - судьба архитектора 2-й половины XVI века, что возвел в Москве стену Белого города и был выслан без вины «на покаянье в Соловки» (известнейшее в 20-е годы нашего века место!). Конь бежал, тайно вернулся. Стрельцы в Серебряном Бору ловят бродяжек. «Его увидя в тусклом свете, - Ты кто? - спросили пристава. - И хриплый голос им ответил: - Иван, не помнящий родства».

Написано Кедриним, словно о себе самом. Это же из него старательно выбивали память об имениных предках. Это всех советских людей стремились сделать Иванами, не помнящими родства.

А если бы Отцу Родному или его Малюту Скуратову принесли рукопись «Варвара» (1933-1940) - баллады о том, как погиб всеильный «поводырь убийц» Аттила - самое яркое стихотворение Кедрина? В «Варваре» есть ключевые слова, которые способны были смертельно задеть Сталина: вождь-уродец.

А если бы на те же столы попала «Песня про Алену-Старицу» (1939), полулегендарную сподвижницу Разина? Концовка «Алены» годится на визитку всей эпохи большого террора:

Все звери спят,

Все птицы спят,

Одни дьяки

Людей казнят.

Всевластными лицами, прочитавшими в 45-м эти и другие стихи, вполне мог быть отдан тайный приказ: уничтожить дерзкого автора. Без суда и следствия. Было это или нет? Ответить способна только ГБ, если пороется в своих несметных архивах.

ВЛАДИМИР ПРИХОДЬКО.